

Анархистская гипотеза — или Бадью, Жижек и антианархистские предрассудки

Кун Габриэль

Август 2011

Это эссе было написано летом 2011 года после того, как Славой Жижек надел футболку с изображением Ленина во время беседы с Эми Гудман и Джулианом Ассанжем в Лондоне. Беседа состоялась 2 июля 2011 года и была организована клубом Frontline.

«Коммунистическая гипотеза» Алена Бадью основывается на простом, но важном убеждении: мы должны быть способны представить себе нечто иное, чем ”капитализм”, и понятие ”коммунизма” делает это возможным. Однако понимание коммунизма у Бадью остается довольно туманным. Он называет его «Идеей с регулятивной функцией, а не программой».¹ Как и его друг и союзник по коммунизму Славой Жижек, Бадью считает попытки двадцатого века реализовать коммунизм фиаско. В то время как Бадью несколько затянато говорит о «явных, а иногда и кровавых провалах событий, тесно связанных с коммунистической гипотезой»,² Жижек поправляет ведущего программы HARDtalk на Би-би-си Стивена Сакура, который называет коммунизм «катастрофическим провалом», лишь чтобы назвать его «тотальным провалом».³ Тем не менее и Бадью, и Жижек — главные звезды серии популярных конференций по коммунизму, начавшейся в 2009 году в Лондоне и основанной, по словам Бадью, на убеждении, что «слово „коммунизм“ теперь может и должно вновь обрести позитивную ценность».⁴

За исключением индивидуалистических, примитивистских и антилевых (постлевых) течений современного анархизма, большинство анархистов — а не только самопровозглашенные «анархо-коммунисты» — поддержали бы это. «Коммунизм» как идея общества, основанного на равных правах, социальной справедливости и

¹ Alain Badiou, “The Communist Hypothesis”, The New Left Review 49, January-February 2008.

² Alain Badiou, The Communist Hypothesis, London/New York 2010, p. 7.

³ Slavoj Žižek on HARDtalk, BBC, November 24, 2009.

⁴ Badiou, The Communist Hypothesis, p. 37.

солидарности, а не конкуренции, близок сердцу большинства анархистов. Видение Бадью кажется анархистам особенно привлекательным, поскольку он ставит под сомнение и партию, и государство. Он заявляет: «Существование принудительного государства, отделенного от гражданского общества, больше не будет казаться необходимостью: долгий процесс реорганизации, основанный на свободной ассоциации производителей, приведет к его увяданию».⁵ И: «...сам по себе принцип государственности оказался порочным и, в конечном счете, неэффективным».⁶ Когда Бадью утверждает, что «мы должны принять вызов мышления политики вне ее подчинения государству и вне рамок партий или партии»,⁷ Бенджамин Нойс прав, отмечая, что «анархисты вполне могут ответить, что именно этим анархизм занимается уже по меньшей мере двести лет».⁸ Однако анархизм, похоже, далек от того, что могло бы заинтересовать Бадью или Жижека.

Несколько легкомысленных замечаний Бадью об анархизме в «Коммунистической гипотезе» достигают пика в следующем комментарии:

«Сегодня мы знаем, что любая освободительная политика должна покончить с моделью партии или множества партий, чтобы утвердить политику «без партии», и в то же время не скатиться к фигуре анархизма, который никогда не был ничем иным, как тщетной критикой, или двойником, или тенью коммунистических партий...»⁹

Такая характеристика анархизма просто неверна. Во многих странах анархистские движения возникли задолго до появления коммунистических партий. Идеологически распространенное представление об анархизме как о «младшем брате» коммунизма также необоснованно. До столкновения марксистов и бакуинцев на конгрессе Международной ассоциации рабочих в 1872 году марксизм и анархизм развивались как два довольно независимых течения в социалистическом движении.

Самая известная оценка анархизма, данная Жижеком в 2002 году в интервью Дагу Хенвуду (который, к сожалению, превозносит Жижека как человека, которого не волнует «политкорректность», повторяя надоевшие консервативные тирады об очевидном ограничении свободы, которое влечет за собой требование этических стандартов в социальных отношениях — то, что некоторые из этих усилий не достигают цели, не дискредитирует принцип):

«Для меня трагедия анархизма заключается в том, что в итоге вы получаете авторитарное тайное общество, пытающееся достичь анархистских целей. [...] Я общался с людьми в Англии, Франции, Германии и других странах — и все время под маской этого консенсуса скрывался один человек, которого по каким-то неписаным правилам принимали за тайного хозяина. Тоталитаризм был абсолютным в том смысле, что люди делали вид, что они равны, но все они подчинялись ему».¹⁰

⁵ Badiou, “The Communist Hypothesis”.

⁶ *ibid.*

⁷ Alain Badiou, *Polemics*, London/New York 2006, p. 270.

⁸ Benjamin Noys, “Through a Glass Darkly: Alain Badiou’s Critique of Anarchism”, *Anarchist Studies*, vol. 16, no. 2, 2008.

⁹ Badiou, *The Communist Hypothesis*, p. 155.

¹⁰ “I am a Fighting Atheist: Interview with Slavoj Žižek”, *Bad Subjects*, issue 59, February 2002.

Я не осмеливаюсь комментировать ситуацию в Англии и Франции, но что касается Германии, то мне хотелось бы знать, кто этот «тайный хозяин» в анархистском движении. Может быть, у Жижека и есть друзья, которые властвуют над тайными анархистскими сектами — и было бы неудивительно, если бы у Жижека были такие друзья, — но я могу гарантировать, что они не играют никакой роли в немецком анархистском движении, не говоря уже о том, чтобы оказывать на него какое-либо серьезное влияние.

Жижек также заявляет:

«Второй момент заключается в том, что у меня есть проблемы с тем, как анархизм подходит к сегодняшним проблемам. Я думаю, что если уж на то пошло, то нам нужна более глобальная организация. Я думаю, что левые должны разрушить это уравнение, согласно которому более глобальная организация означает более тоталитарный контроль».¹¹

С каких это пор анархизм стал равнозначен отказу от глобальной организации? Хотя анархисты участвовали в протестном движении, которое когда-то называли «антиглобализационным», анархисты также были первыми, кто указал, что *глобализация как таковая* не является целью протестного движения, но скорее «корпоративная» или «неолиберальная» глобализация — альтернативные термины, такие как «альтерглобализм», являются результатом этих дебатов.

Во-вторых, хотя некоторые современные анархисты могут с неодобрением относиться к идее любой организации — глобальной или нет, — отнюдь не факт, что современное анархистское движение в целом антиорганизационно. На самом деле так называемый платформизм, анархо-коммунистическое движение, основанное на «Организационной платформе Всеобщего союза анархистов», написанной Нестором Махно и его товарищами в парижской эмиграции в 1920-х годах, в последние годы переживает сильное возрождение. Сеть Anarkismo — настоящий низовой пример глобальной организации — является одним из самых сильных анархистских проектов современности. Интересно, что антиорганизационные анархисты регулярно критикуют платформистов как «ленинцев» — возможно, для Жижека в анархизме есть нечто большее, чем он думает. Невежество Жижека может, конечно, проистекать из того простого факта, что для того, чтобы по-настоящему понять социальные движения, нужно слушать. Как справедливо заметил Дэвид Грэбер: «Можем ли мы действительно представить, что кто-то вроде Жижека, даже в своих фантазиях, терпеливо выслушивает требования непосредственно демократических собраний Эль-Альто?»¹²

Учитывая интеллектуальный вес, на котором Бадью и Жижек строят свою репутацию, неглубокость их критики анархизма любопытна. Кажется, что она основана не на чем ином, как на старых антианархистских предрассудках в марксистской мысли. Процитированный выше комментарий Бадью — это характерная оценка человека, который однажды узнал, что анархизм — это мелкобуржуазная идеология, и не потрудился взглянуть на него еще раз. Марксизм долгое время рассматривал

¹¹ *ibid.*

¹² David Graeber, “Referendum on Žižek?”, open letter, December 2007.

анархизм как утопическое движение, не имеющее никакой существенной теории. Действительно, у анархизма нет Маркса и нет сопоставимого экономического анализа. Однако это не значит, что анархистская теория плоха — она скорее малоизвестна. В отличие от марксистской теории со ста годами частично поддерживаемого государством развития (хотя некоторые могут назвать это стагнацией) и устоявшимся классом академиков, анархистская теория в значительной степени формировалась за пределами академии, в коллективных размышлениях о социальной борьбе и проектах, в которых конкретно участвует человек. Примеров тому множество — от анархо-синдикалистских кружков начала XX века и движения «Современная школа» до анархистской культуры зинов и проекта CrimethInc. В результате анархистская теория часто оказывается более осязаемой, адаптируемой и вдохновляющей, чем марксистская, даже если в ней нет непроизносимых слов и абстрактных размышлений. Самое важное, что анархисты продемонстрировали понимание динамики власти, авторитета и государства, которое, безусловно, могло бы быть полезно марксистам. Даже Бадью идет на уступки, например:

«Марксизм, рабочее движение, массовая демократия, ленинизм, партия пролетариата, социалистическое государство — все изобретения XX века — больше не приносят нам пользы. На теоретическом уровне они, конечно, заслуживают дальнейшего изучения и рассмотрения; но на уровне практической политики они стали неработоспособными.»¹³

В 1871 году Михаил Бакунин написал в книге «Бог и государство»:

”Привилегиям и всякому привилегированному положению свойственно убивать ум и сердце людей. Привилегированный человек, будь то политически или экономически, — это человек, развращенный умом и сердцем. Это социальный закон, который не допускает исключений и применим как к целым нациям, так и к классам, корпорациям и отдельным людям».¹⁴

Во избежание недоразумений: хотя я считаю, что многим марксистам не хватает открытости в их взаимодействии с анархизмом, намерение этого эссе ни в коем случае не состоит в том, чтобы обрушиться на марксизм. Сектантство — это проблема всех левых лагерей. Мои личные симпатии всегда были связаны с анархизмом, а не с марксизмом, но мои личные симпатии не очень важны. Я никогда не был заинтересован в осуждении марксистов и не рассматриваю их как неизбежных предателей анархистов, бьющих со спины. Иногда марксисты являются союзниками анархистов, иногда — нет. То же самое можно сказать о христианах, крестьянах и водителях автобусов. Конечно, история знает множество случаев, когда марксисты предавали анархистов. Но анархисты тоже предавали анархистов. Важно иметь общую цель, а именно отмену государственной системы, и солидарность в борьбе.

Вернемся к Бакунину. Конечно, он не является исторической фигурой, которую бы приняли Бадью или Жижек. Бадью и Жижек, похоже, озабочены исключительно

¹³ Alain Badiou, “The Communist Hypothesis”.

¹⁴ Mikhail Bakunin, *God and the State*, Mineola, NY 1970, p. 31.

историческими фигурами, которые удерживали власть. Такие, как Робеспьер, Ленин, Сталин, Мао. Даже современная политика обсуждается в терминах Саркози, Чавеса и Берлускони, а не движений за социальную справедливость, экологию или мир. (То, что Жижек не уделяет особого внимания движению за права животных, не вызывает удивления, учитывая его предсказание, что вегетарианцы превратятся в «дегенератов».¹⁵)

Однако цель этой статьи также далека от нападок на Бадью или Жижека. Они вносят чрезвычайно важный вклад в радикальные дебаты, я уверен, что они искренне стремятся к лучшему миру, и отраднo видеть, как радикальные мыслители входят в мейнстримные СМИ. Оба кажутся приятными людьми, а гиперактивного Жижека особенно трудно не любить. Однако чувство юмора Жижека может быть столь же тревожным, как и увлечение обоих мыслителей влиятельными мужчинами. Не нужно быть «чрезмерно чувствительным», «заносчивым» или «моралистом», чтобы не согласиться с постоянными ссылками на людей, возглавлявших правительства, которые убивали, пытали и заключали в тюрьмы миллионы людей, особенно когда речь идет о «воссоздании идеи коммунизма как реального движения» (Жижек)¹⁶ и «начале третьей эпохи существования Идеи» (Бадью)¹⁷. Это относится и к желанию Жижека отправить в ГУЛАГ тех, кто распыляет антиправительственные лозунги на улицах Люблины.¹⁸ Я знаю, кто эти люди. Может быть, это и делает всё менее смешным.

В ходе жарких дебатов, последовавших за странно озаглавленной («Соппротивление — это капитуляция») рецензией Жижека на книгу Саймона Критчли «Бесконечно требовательный» в *London Review of Books*,¹⁹ Критчли не сдержался в своей критике Жижека:

«Как напоминает нам Карл Шмитт — и не стоит забывать, что этот фашистский юрист был большим поклонником Ленина, — существуют две основные традиции непарламентских, нелиберальных левых: авторитаризм и анархизм. Если Жижек с характерной ленинской жестокостью нападает на меня за принадлежность к последней, то равно ясно, какую фракцию он поддерживает. [...] Для Жижека все это не имеет значения; эти формы сопротивления [группы гражданского общества, движения за права коренного населения, альтернативные глобализации и антивоенные движения] — просто капитуляция. Он предается ностальгии, макистской и в конце концов маньеристской, по диктатуре, политическому насилию и безжалостности».²⁰

При всей симпатии, которую я испытываю к Жижеку, мне трудно защищать его от подобных обвинений.

¹⁵ Žižek!, documentary film, directed by Astra Taylor, USA/Canada 2005.

¹⁶ “The Idea of Communism”, panel discussion at Marxism 2010, London, July 4, 2010.

¹⁷ Alain Badiou, *The Communist Hypothesis*, p. 260.

¹⁸ Žižek!, documentary film.

¹⁹ Slavoj Žižek, “Resistance Is Surrender”, *London Review of Books*, no. 22, vol. 29, November 15, 2007.

²⁰ Simon Critchley, “Resistance Is Utile”, *Harper’s Review*, May 2008.

Однако вернемся к аргументу о том, что нам нужен термин, поддерживающий идею чего-то вне капитализма. Я полностью согласен с этим — хотя в постмодернистские времена возражения очевидны: «фиксированный» термин способствует политике идентичности, стирает различия, требует гегемонии и ограничивает тактические возможности. Я понимаю эти возражения, и их можно поддержать вескими аргументами. Однако «разнообразная» угроза также может быстро превратиться в «рассеянную», а, таким образом, очень «слабую» угрозу. Принцип «разделяй и властвуй» по-прежнему является краеугольным камнем авторитарной политики. Кроме того, недостаточно *сказать*, что конкретная борьба связана с сотнями других — она *должна* быть действительно связана с ними. И если эти конкретные связи существуют, то почему бы не назвать эту сеть борьбы общим именем? Общее название имеет два преимущества, обязательных для массовой политики: люди чувствуют себя частью общей борьбы и могут оказывать коллективное давление на противника. Если у вас нет общего названия, у вас нет общего движения, по крайней мере, в глазах общественности — а быть в глазах общественности очень важно, если вы хотите создать критическую массу, которая действительно сделает возможными структурные изменения.

Здесь возникает вопрос, не будет ли название «анархизм» более многообещающим, чем название «коммунизм». Это стратегический вопрос. Если вы отдаете предпочтение названию «анархизм», это не обязательно означает, что вы находите что-то плохое в названии «коммунизм». На самом деле, вы можете считать, что истинный коммунизм равен истинному анархизму. Однако я считаю, что название «анархизм» имеет преимущества перед названием «коммунизм» в качестве обозначения «чего-то вместо капитализма». Особенно сегодня, когда подавляющее большинство людей, подобно Бадью и Жижеку, ассоциируют «коммунизм» с марксистской традицией, а не с анархистской.

1. Пожалуй, самое очевидное: анархизм не имеет истории тоталитаризма, систем ГУЛАГа и массовых казней.
2. Анархизм не опирается на идеи «big men». Это не значит, что у идеологии анархизма нет проблем с мужским доминированием. Эти проблемы вполне реальны. Но «big men» анархизма (Бакунин, Кропоткин и т. д.) имеют гораздо меньшее влияние на современный анархизм, чем их марксистские коллеги. Трудно воспринимать всерьез марксиста, если вы не изучали Маркса, Ленина и Мао. В то же время многие современные анархисты даже не брали в руки книги Бакунина, Кропоткина или Малатесты. На самом деле, иногда хочется немного больше исторического интереса и изучения. В целом, однако, отсутствие почтения продуктивно и способствует оживлению анархизма.
3. Самое главное, что анархистские идеи лежат в основе большинства современных общественных движений. Хотя марксистские идеи, конечно, продолжают играть определенную роль в общественных движениях, их нынешними оплотами являются традиционные марксистские партии и академические круги. Автономные общественные активисты в основном придерживаются анархистских принципов, независимо от того, используют они этот термин или нет:

антиавторитаризм, горизонтальная организация, прямое действие, демократические процессы принятия решений. Десять лет назад Дэвид Грэбер в журнале *New Left Review* подытожил кредо «новых анархистов» следующим образом: «Речь идет о создании и внедрении горизонтальных сетей вместо нисходящих структур вроде государств, партий или корпораций; сетей, основанных на принципах децентрализованной, неиерархической консенсусной демократии».²¹ Эти основные ценности активизма начала двадцатого века остаются неизменными. В 2005 году Ричард Дэй в своей книге «Грамши мертв: анархистские течения в новейших общественных движениях» предложил исчерпывающее свидетельство этих событий. Оценки Дэй о том, что «ориентация на прямое действие и создание альтернатив государственным и корпоративным формам открывает новые возможности для радикальных социальных изменений, которые невозможно представить в рамках существующих парадигм», и что это «дает нам лучший шанс защититься от неолиберальных обществ контроля и в конечном итоге сделать их ненужными», по-прежнему актуальны.²²

Ричард Дэй относится к новому поколению анархистских ученых, бросающих вызов господству марксизма в университетах. Такие инициативы, как Сети Anarchist Studies, возникшие в Великобритании и Северной Америке, такие книги, как *Constituent Imagination: Militant Investigations, Collective Theorization* (AK Press, 2007) и *Contemporary Anarchist Studies: An Introductory Anthology of Anarchism in the Academy* (Routledge, 2009), а также конференции вроде ежегодной *Renewing the Anarchist Tradition* («Обновляя Анархическую Традицию», RAT), организуемой Институтом анархистских исследований, — все это способствует преодолению разрыва. Хотя эти анархистские вылазки в академический дискурс следует приветствовать как оживление академических дебатов, они могут стать неискренними, если не сопровождаются тщательной критикой института и своей собственной роли в нем. Как пишет Дерик Шеннон в своем замечательном труде «*Contemporary Anarchist Studies*» (Современные анархистские исследования):

”Не стоит игнорировать тот факт, что карьера иногда строится на радикальной политике в целом и анархизме в частности. Это не значит, что мы должны отказываться от работы (которая, в конце концов, позволяет нам преподавать анархистские идеи новому поколению). Однако важно, чтобы мы открыто и честно признавали свои карьерные интересы. Опять же, карьеризм заразил ряд других освободительных взглядов. Если мы хотим избежать этого, необходимо вести открытые, честные и, что еще важнее, рефлексивные разговоры о собственных интересах и нашей работе».²³

Каждый анархистский академик должен также прислушаться к совету Шеннона «сопротивляться карьеризму, институционализации и одомашниванию, которые

²¹ David Graeber, “The New Anarchists”, *New Left Review* 13, January-February 2012.

²² Richard J.F. Day, *Gramsci Is Dead: Anarchist Currents in the Newest Social Movements*, London/Ann Arbor, MI/Toronto 2005, p. 18.

²³ Deric Shannon, “As Beautiful as a Brick Through a Bank Window: Anarchy, the Academy, and Resisting Domestication”, in: Randall Amster et al. (eds.), *Contemporary Anarchist Studies: An Introductory Anthology of Anarchism in the Academy*, Milton Park/New York 2009, p. 185.

другие либеральные взгляды считают неотъемлемой частью своего вхождения в академию».²⁴ Шеннон выделяет следующие ключевые аспекты: «Встречайте меня на улицах. Открыто и рефлексивно говорите о собственных интересах. Говорите со студентами об институциональных ограничениях. Сопровождайте идеологической жесткости. Пишите, публикуйте и обсуждайте за пределами Академии. Не смягчайте своих мыслей».²⁵

Можно утверждать, что академический марксизм часто оставляет эти требования невыполненными. Существует привилегированный класс марксистских академиков, что не способствует созданию более позитивного образа марксизма, а значит, и коммунизма, в глазах общественности. В то же время он позволяет марксистским интеллектуалам быть принятыми людьми, которые любят окружать себя интеллектуалами, марксистскими или нет. Многие отмечают Бадью и Жижека не потому, что их интересует «субъективация взаимодействия между сингулярностью процедуры истины и репрезентацией истории» или лакановский анализ диснеевских фильмов, а потому, что Бадью и Жижек — это модно. Они воспринимаются так же, как художественные выставки «Фракции Красной Армии» и советские винтажные магазины. «Коммунизм» приобрел биржевую ценность, потому что его реальная сила ослабла. Из угрожающего он превратился в извращенный. Показательно, что описание Жижека в *New Republic* как «самого опасного философа на Западе» не причинило ему никакого вреда; скорее, оно способствовало росту торговой марки «Жижек». Радикально-шиковая опасность сильно отличается от реальной. Уже в 1994 году нойз-рок-группа Killdozer добилась широкого успеха с альбомом *Uncompromising War on Art Under the Dictatorship of the Proletariat*, наполненным вырезками из соцреалистического искусства и коммунистическими лозунгами старой школы. Сегодня Жижек даже набирает популярность благодаря многочисленным ссылкам на Сталина, в то время как Бадью придерживается Мао уже добрых пятьдесят лет.

Конечно, анархизм тоже во многом превратился в товар и не обязательно воспринимается как опасность. Хомскому тоже разрешили говорить о политике на HARDtalk, логотипы «Круг-А» привлекают внимание к товарам широкого потребления — от леденцов до сумочек, а анархистские книжные ярмарки почти не вызывают подозрений у местных чиновников и полиции. Однако более активное присутствие анархистов в общественных движениях все же имеет значение. Жижек, похоже, предпочитает марксистские конференции Социалистической рабочей партии — это, по крайней мере, верное отражение его работ о социальных движениях.

Можно, конечно, возразить, что анархисты все неправильно поняли и что их влияние на социальные движения приносит больше вреда, чем пользы. Жижек делает несколько важных замечаний на этот счет:

«Я все больше скептически отношусь к левацкой антигосударственной логике. Не останется незамеченным, что этот дискурс находит отклик и у правых. Более того, я не вижу никаких признаков так называемого «исчезновения государства». Напротив. И если взять в качестве примера

²⁴ *ibid.*, p. 184.

²⁵ *ibid.*, p. 183–188.

Соединенные Штаты, то я должен признаться, что в 80 процентах случаев, когда возникает конфликт между гражданским обществом и государством, я на стороне государства. Чаше всего государству приходится вмешиваться, когда какие-то местные правые группы хотят запретить преподавание эволюции в школах и так далее. Поэтому я считаю, что для левых очень важно влиять на государственный аппарат, использовать его и, возможно, даже захватывать, когда это возможно. Этого самого посебе, конечно, недостаточно. На самом деле, я думаю, нам нужно противопоставить языку «*ligne de fuite*», и самоорганизации, и тому подобному — то, что сегодня совершенно табуировано для левых — как чеснок для вампира, — а именно идею больших государственных или даже больших коллективных решений».²⁶

Было бы слишком легко просто отмахнуться от этих размышлений. В то же время они вряд ли новы. Ноам Чомски уже давно вызывает возмущение анархистов заявлениями, подобными следующему:

«Многие анархисты просто считают государство основной формой угнетения. Я думаю, что это ошибка. Среди различных видов угнетающих институтов, которые существуют, государство — один из наименьших. Государство, по крайней мере в той мере, в какой общество демократично [...] вы имеете некоторое влияние на то, что происходит. [...] Вы никак не можете повлиять на то, что происходит в корпорации. Это настоящие тирании. Пока в обществе в основном господствует частная тирания, которая является наихудшей формой угнетения, людям просто необходима какая-то форма самозащиты. И государство обеспечивает такую самооборону».²⁷

В скандинавском контексте мы сталкиваемся с иронией, когда деятельность многих самопровозглашенных анархистов в последние годы сосредоточена на защите государства социального обеспечения. Однако это лишь показывает, что аргументы Жижека не обязательно являются аргументами против анархизма, а лишь против немедленного и всеобщего упразднения государства, за что не все анархисты будут выступать, особенно до тех пор, пока государство может быть заменено социал-дарвинизмом, а не эгалитарными сообществами. Тем не менее, нет необходимости призывать к «большому государству» — государство может быть и маленьким, просто оно должно быть сосредоточено на социальной справедливости, а не на защите богатств правящего класса.

Конечной целью анархистов — и коммунистов — конечно же, остается преодоление государства. Однако это может произойти только благодаря сильному коллективному движению, объединенному общим именем. Поэтому я считаю прискорбным,

²⁶ “Divine Violence and Liberated Territories: Soft Targets talks with Slavoj Žižek”, March 14, 2007, www.softtargetsjournal.com/web/Žižek.php

²⁷ Theory and Practice: Conversations with Noam Chomsky and Howard Zinn, DVD, Oakland 2010.

что анархизм до сих пор очень часто является «политикой, которая не смеет про-
износить свое имя».²⁸ Конечно, есть много причин, по которым люди хотели бы
избавиться от всех политических традиций и ввести новый термин для своей рево-
люционной политики. Я ни в коем случае не возражаю против этого. Однако до тех
пор, пока мы не увидим нового многообещающего названия, мы можем попробовать
анархизм. Мы мало что теряем.

²⁸ Noys, “Through a Glass Darkly: Alain Badiou’s Critique of Anarchism”.

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Кун Габриэль
Анархистская гипотеза — или Бадью, Жижек и антианархистские предрассудки
Август 2011

Переведено 07.04.2025 с https://www.alpineanarchist.org/r_anarchist_hypothesis.html

ru.anarchistlibraries.net